

Грядущий хам

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 101
ББК 87
Г92

Г92 Грядущий хам / – М.: Книга по Требованию, 2014. – 192 с.

ISBN 978-5-458-54921-9

ISBN 978-5-458-54921-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ГРЯДУЩІЙ ХАМЪ

Грядущій Хамъ

I

„Мѣщанство побѣдить и должно побѣдить, — пишетъ Герценъ въ 1864 г. въ статьѣ „Концы и начала“. — Да любезный другъ, пора придти къ спокойному и смиренному сознанію, что *мѣщанство — окончательная форма западнѣйшей цивилизации*“.

Трудно заподозрить Герцена въ нелюбви къ Европѣ. Вѣдь это именно одинъ изъ тѣхъ русскихъ людей, у которыхъ, по выраженію Достоевскаго, „двѣ родины: наша Русь и Европа“. Можетъ-быть, онъ самъ не зналъ, кого любить больше, Россію или Европу. Подобно другу своему Бакунину, онъ былъ убѣжденъ, что послѣднее освобожденіе есть дѣло не какого-либо одного народа, а всѣхъ народовъ вмѣстѣ, всего человѣчества, и что народъ можетъ освободиться окончательно, только отрекаясь отъ своей національной обособленности и входя въ кругъ всечеловѣческой жизни. „Всечеловѣчество“, которое у Пушкина было эстетическимъ созерцаніемъ, у Герцена, перваго изъ русскихъ людей, становится жизненнымъ дѣйствіемъ, подвигомъ. Онъ пожертвовалъ не отвлеченно, а реально своей любовью къ Европѣ своей любовью къ Россіи. Для Европы сдѣлался вѣчнымъ изгнанникомъ, жилъ для нея и готовъ

былъ умереть за нее. Въ минуты унынія и разочарованія жалѣлъ, что не взялъ ружья, которое предлагалъ ему одинъ работникъ, во время революціи 1848 года въ Парижѣ, и не умеръ на баррикадахъ.

Ежели такой человекъ усомнился въ Европѣ, то не потому, что мало, а потому, что слишкомъ вѣрилъ въ нее. И когда онъ произноситъ свой приговоръ: „я вижу неминуемую гибель старой Европы, и не жалѣю ничего изъ существующаго“, когда утверждаетъ, что въ дверяхъ стараго міра—„не Катилина, а смерть“, и на лбу его цicerоновское: „vixerunt“, — то можно не принимать этого приговора, — я лично его не принимаю, — но нельзя не признать, что въ устахъ Герцена онъ имѣетъ страшный вѣсъ.

Въ подтвержденіе своихъ мыслей о неминуемой побѣдѣ мѣщанства въ Европѣ Герценъ ссылается на одного изъ благороднѣйшихъ представителей европейской культуры, на одного изъ ея „рыцарей безъ страха и упрека“, на Дж. Ст. Милля.

„Мѣщанство,—говоритъ Герценъ,—это та самодержавная толпа *сплоченной посредственности* (conglomerated mediocrity) Ст. Милля, которая всѣмъ владѣетъ, — толпа безъ невѣжества, но и безъ образованія... Милль видитъ, что все около него пошлѣетъ, мельчаетъ; съ отчаяніемъ смотритъ на подавляющія массы какой-то паусной икры, сжатой изъ мириадъ мѣщанской мелкоты... Онъ вовсе не преувеличивалъ, говоря о суживаніи ума, энергіи, о стертости личностей, о постоянномъ мельчаніи жизни, о постоянномъ исключеніи изъ нея общечеловѣческихъ интересовъ, о сведеніи ея на интересы торговой конторы и мѣщанскаго благосостоянія. Милль прямо говоритъ, что по этому пути Англія сдѣлается Китаемъ,—мы къ этому прибавимъ: *и не одна Англія*“.

„Можетъ, какой-нибудь кризисъ и спасетъ отъ китайскаго маразма. Но откуда онъ придетъ, какъ?—этого я не знаю, да и Милль не знаетъ“. „Гдѣ та могучая мысль, та страстная вѣра, то горячее упованіе, которое можетъ закалить тѣло, довести душу до судорожнаго ожесточенія, ко-

торое не чувствует ни боли, ни лишений, и твердымъ шагомъ идетъ на плаху, на костеръ? Посмотрите кругомъ,— что въ состояніи поднять народы“?

„Христіанство обмелѣло и успокоилось въ покойной и каменистой гавани реформаціи; обмелѣла и революція въ покойной и песчаной гавани либерализма. . . Съ такой снисходительной церковью, съ такой ручной революціей—западный міръ сталъ отстаиваться, уравниваться“.

„Вездѣ, гдѣ людскіе муравейники и ульи достигали относительнаго удовлетворенія и уравнишенія, — движеніе впередъ дѣлалось тише и тише, пока, наконецъ, не наступала послѣдняя тишина Китая“.

По слѣдамъ „азиатскихъ народовъ, вышедшихъ изъ исторіи“, вся Европа „тихимъ, невозмущаемымъ шагомъ“ идетъ къ этой послѣдней тишинѣ благополучнаго муравейника, къ „мѣщанской кристаллизаци“—китаизаци.

Герценъ соглашается съ Миллемъ: „Если въ Европѣ не произойдетъ какой-нибудь неожиданный переворотъ, который возродитъ человѣческую личность и дастъ ей силу побѣдить мѣщанство, то, несмотря на свои благородные antecedенты и свое христіанство, Европа сдѣлается Китаемъ“.

„Подумай,—заключаетъ Герценъ письмо неизвѣстному русскому,—кажется, всему русскому народу,—подумай, и у тебя волосъ станетъ дыбомъ“.

Ни Милль, ни Герценъ не видѣли послѣдней причины этого духовнаго мѣщанства. „Мы вовсе не врачи, мы — боль“, предупреждаетъ Герценъ. И дѣйствительно, во всѣхъ этихъ пророчествахъ,—не только для Милля, но отчасти и для Герцена, пророчествахъ на собственную голову,—нѣтъ никакого вывода, знанія, а есть лишь крикъ неизвѣстной боли, неизвѣстнаго ужаса. Причины мѣщанства Герценъ и Милль не могли видѣть, какъ человѣкъ не можетъ видѣть лицо свое безъ зеркала. То, чѣмъ они страдаютъ и чего боятся въ другихъ, находится не только въ другихъ, но и въ нихъ самихъ, въ послѣднихъ, непереступаемыхъ и даже

невидимыхъ для нихъ предѣлахъ ихъ собственнаго религіознаго, вѣрнѣе, антирелигіознаго, сознанія.

Послѣдній предѣлъ всей современной европейской культуры — позитивизмъ, или, по терминологіи Герцена, „научный реализмъ“, какъ методъ не только частнаго научнаго, но и общаго философскаго и даже религіознаго мышленія. Родившись въ наукѣ и философіи, позитивизмъ выросъ изъ научнаго и философскаго сознанія въ бессознательную религію, которая стремится упразднить и замѣнить собою всѣ бывшія религіи. Позитивизмъ, въ этомъ широкомъ смыслѣ, есть утвержденіе міра, открытаго чувственному опыту, какъ единственно-реальнаго, и отрицаніе міра сверхчувственнаго: отрицаніе конца и начала міра въ Богѣ и утвержденіе безконечнаго и безначальнаго продолженія міра въ явленіяхъ, безконечной и безначальной, непроницаемой для человѣка среды явленій, *середины*, посредственности, той абсолютной, совершенно-плотной, какъ Китайская стѣна, „сплоченной посредственности“, *conglomerated mediocrity*, того абсолютнаго мѣщанства, о которыхъ говорятъ Милль и Герцень, сами не разумѣя послѣдней метафизической глубины того, что говорятъ.

Въ Европѣ позитивизмъ только дѣлается,—въ Китаѣ онъ уже сдѣлался религіей. Духовная основа Китая, ученіе Лао-Дзы и Конфуція — совершенный позитивизмъ, религія безъ Бога, „религія земная, безнебесная“, какъ выражается Герцень о европейскомъ научномъ реализмѣ. Никакихъ тайнъ, никакихъ углубленій и порываній къ „мірамъ инымъ“. Все просто, все плоско. Несокрушимый здравый смыслъ, несокрушимая положительность. Есть то, что есть, и ничего больше нѣтъ, ничего больше не надо. Здѣшній міръ—все, и нѣтъ иного міра, кромѣ здѣшняго. Земля—все, и нѣтъ ничего кромѣ земли. Небо — не начало и конецъ, а безначальное и безконечное продолженіе земли. Земля и небо не *будутъ едино*, какъ утверждаетъ христіанство, а *суть едино*. Величайшая имперія земли и есть Небесная имперія, земное небо, Серединное царство—царство вѣчной середины, вѣч-

ной посредственности, абсолютнаго мѣщанства — „царство не Божіе, а человѣческое“, какъ опредѣляетъ опять-таки Герценъ общественный идеалъ позитивизма. Китайскому поклоненію предкамъ, золотому вѣку въ прошломъ соотвѣтствуетъ европейское поклоненіе потомкамъ, золотой вѣкъ въ будущемъ. Ежели не мы, то потомки наши увидятъ рай земной, земное небо,—утверждаетъ религія прогресса. И въ поклоненіи предкамъ, и въ поклоненіи потомкамъ одинаково приносится въ жертву единственное человѣческое лицо, личность безличному, безчисленному роду, народу, человечеству — „паюсной икрѣ, сжатой изъ мириадъ мѣщанской мелкоты“, грядущему вселенскому полипняку и муравейнику. Отрекаясь отъ Бога, отъ абсолютной Божественной Личности, человѣкъ неминуемо отрекается отъ своей собственной человѣческой личности. Отказываясь, ради чечевичной похлебки умѣренной сытости, отъ своего божественнаго голода и божественнаго первородства, человѣкъ неминуемо впадаетъ въ абсолютное мѣщанство.

Китайцы—совершенные желтолицые позитивисты; европейцы—пока еще несовершенные бѣлолицые китайцы. Въ этомъ смыслѣ американцы совершеннѣе европейцевъ. Тутъ крайній Западъ сходится съ крайнимъ Востокомъ.

Для Герцена и Милля то столкновение Китая съ Европою, которое начинается, но, вѣроятно, не кончится на нашихъ глазахъ, имѣло бы особенно вѣщій, грозный смыслъ. Китай довелъ до совершенства позитивное созерцаніе, но позитивнаго дѣйствія, всей прикладной технической стороны положительнаго знанія не доставало Китаю. Японія, не только военный, но и культурный авангардъ Востока, взяла у европейцевъ эту техническую сторону цивилизаціи и сразу сдѣлалась для нихъ непобѣдимой. Пока Европа противопоставляла сквернымъ китайскимъ пушкамъ свои лучшія, она побѣждала, и эта побѣда казалась торжествомъ культуры надъ варварствомъ. Но когда сравнялись пушки, то и культуры сравнялись. Оказалось, что у Европы ничего и не было, кромѣ пушекъ, чѣмъ бы она могла показать свое

культурное превосходство надъ варварами. Христіанство? Но „христіанство обмелѣло“; оно еще имѣетъ нѣкоторое, довольно, впрочемъ, сомнительное значеніе для внутренней европейской политики; но когда современному христіанству, переѣзжая за границу Европы, приходится обмѣнивать свои кредитные билеты на чистое золото, то за нихъ никто ничего не даетъ. Да и въ самой Европѣ безстыднѣйшіе стыдятся говорить о христіанствѣ, по поводу такихъ серьезныхъ вещей, какъ война. Нѣкогда источникъ великой силы, христіанство сдѣлалось теперь источникомъ великой немощи, самоубійственной непослѣдовательности, противорѣчивости всей западно-европейской культуры. Христіанство — эти старыя семитическія дрожжи въ арійской крови — и есть именно то, что не даетъ ей устояться окончательно, мѣшаетъ послѣдней „кристаллизаци“, китаизаци Европы. Кажется, позитивизмъ бѣлой расы навѣки попорченъ, „подмоченъ“ „метафизическимъ и теологическимъ періодомъ“. Позитивизмъ желтой расы вообще и японской въ частности — это свѣженькое яичко, только-что снесенное желтою монгольской курочкой отъ бѣлаго арійскаго пѣтушка — ничѣмъ не попорченъ: какимъ онъ былъ за два, за три тысячелѣтія, такимъ и остался, такимъ навсегда останется. Позитивизмъ европейскій все еще слишкомъ умственный, то-есть, поверхностный, такъ сказать, накожный; желтые люди — позитивисты до мозга костей. И культурное наслѣдіе вѣковъ — китайская метафизика, теологія — не ослабляетъ, а усиливаетъ этотъ естественный фізіологическій даръ.

Кто вѣренъ своей фізіологіи, тотъ и послѣдователенъ, кто послѣдователенъ, тотъ и силенъ, а кто силенъ, тотъ и побѣждаетъ. Японія побѣдила Россію. Китай побѣдитъ Европу, если только въ ней самой не совершится великій духовный переворотъ, который опрокинетъ вверхъ дномъ послѣднія метафизическія основы ея культуры, и позволитъ противопоставить пушкамъ позитивнаго Востока не однѣ пушки позитивнаго Запада, а кое-что болѣе реальное, болѣе истинное.

Вотъ гдѣ главная „желтая опасность“—не извнѣ, а внутри; не въ томъ, что Китай идетъ въ Европу, а въ томъ, что Европа идетъ въ Китай. Лица у насъ еще бѣлыя; но подъ бѣлою кожей уже течетъ не прежняя густая, алая, арийская, а все болѣе жидкая, „желтая“ кровь, похожая на монгольскую сукровицу; разрѣзъ нашихъ глазъ прямой, но взоръ начинаетъ косить, суживаться. И прямой бѣлый свѣтъ европейскаго дня становится косымъ „желтымъ“ свѣтомъ китайскаго заходящаго или японскаго восходящаго солнца. Въ настоящее время японцы кажутся переодѣтыми обезьянами европейцевъ; кто знаетъ, можетъ быть со временемъ, европейцы и даже американцы будутъ казаться переодѣтыми обезьянами японцевъ и китайцевъ, несправимыми идеалистами, романтиками стараго міра, которые только притворятся господами новаго міра, позитивистами. Можетъ быть, война желтой расы съ бѣлою — только недоразумѣніе: свои своихъ не узнали. Когда же узнаютъ, то война окончится миромъ, и это будетъ уже „миръ всего міра“, послѣдняя тишина и покой небесный, Небесная имперія, Серединное царство по всей землѣ отъ Востока до Запада, окончательная „кристаллизациа“, всечеловѣческій улей и муравейникъ, сплошная, облѣпляющая шаръ земной, „паюсная икра“ мѣщанства, и даже не мѣщанства, а хамства, потому что достигшее своихъ предѣловъ и воцарившееся мѣщанство есть хамство.

— Подумай, — можно заключить эти мысли, такъ же, какъ нѣкогда заключилъ Герценъ, — подумай, и у тебя волосъ станетъ дыбомъ.

У Герцена были двѣ надежды на спасеніе Европы отъ Китая.

Первая, болѣе слабая—на социальный переворотъ. Герценъ ставилъ дилемму такъ:

„Если народъ сломится, — новый Китай неминуемъ. Но если народъ сломить, — неминуемъ *социальный переворотъ*“.

Спрашивается: чѣмъ же и во имя чего народъ, сломившій социальный гнетъ, сломить и внутреннее духовное

начало мѣщанской культуры? Какою новою вѣрою, источникомъ новаго благородства? Какимъ вулканическимъ взрывомъ человѣческой личности противъ безличнаго муравейника?

Самъ Герценъ утверждаетъ:

„За большинствомъ, теперь господствующимъ (то-есть, за большинствомъ капиталистическаго мѣщанства), стоитъ *еще большее* большинство кандидатовъ на него (то-есть, пролетаріата), для которыхъ нравы, понятія, образъ жизни мѣщанства — единственная цѣль стремленій; ихъ хватитъ на десять перемѣнъ. Міръ безземельный, міръ городского пролетаріата не имѣетъ другого пути спасенія и *весь пройдетъ мѣщанствомъ*, которое въ нашихъ глазахъ отстало, а въ глазахъ полевого населенія и пролетаріевъ представляетъ образованность и развитіе“.

Но если народъ „весь пройдетъ мѣщанствомъ“, то, спрашивается, куда же онъ выйдетъ? Или изъ настоящаго несовершеннаго мѣщанства—въ будущее совершенное, изъ неблагополучнаго капиталистическаго муравейника—въ благополучный социалистическій, изъ чернаго желѣзнаго вѣка Европы—въ „желтый“ золотой вѣкъ и вѣчность Китая? У голоднаго пролетарія и у сытаго мѣщанина разныя экономическія выгоды, но метафизика и религія одинаковыя—метафизика умѣреннаго здраваго смысла, религія умѣренной мѣщанской сытости. Война четвертаго сословія съ третьимъ, экономически реальная, столь же не реальна метафизически и религіозно, какъ война желтой расы съ бѣлою; и тамъ и здѣсь сила противъ силы, а не Богъ противъ Бога. Въ обоихъ случаяхъ одно и то же недоразумѣніе: за внѣшнею, временною войною—внутренній вѣчный миръ.

Итакъ, на вопросъ, чѣмъ народъ побѣдитъ мѣщанство, у Герцена нѣтъ никакого отвѣта. Правда, онъ могъ бы позаимствовать отвѣтъ у своего друга, анархиста Бакунина, могъ бы перейти отъ социализма къ *анархизму*. Социализмъ желаетъ замѣнить одинъ общественный порядокъ другимъ, власть меньшинства властью большинства; анархизмъ отри-